

Шлоссер Фридрих Кристоф

Всемирная история

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф88

Ф88 **Фридрих Кристоф Ш.**
Всемирная история: Том 1 / Шлоссер Фридрих Кристоф – М.: Книга по Требованию, 2024. – 784 с.

ISBN 978-5-521-31319-8

ISBN 978-5-521-31319-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

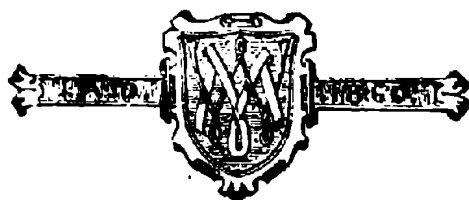
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ I.

ВТОРОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостинный дворъ, № 18, 19 и 20.

Кузнецкій мостъ, д. Рудакова.

1868.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ трудныя эпохи преобразованій, которыя приходится переживать государствамъ, трезвые уроки исторіи могутъ быть пужиѣ всего. Значеніе такихъ уроковъ въ дѣлѣ гражданскаго воспитанія признается съ глубокой древности, и не здѣсь, конечно, мѣсто говорить о немъ. Точно такъ же неумѣстно было бы говорить здѣсь и о значеніи геніальнаго труда Шлоссера. Это имѣло бы видъ рекламы въ пользу такой вещи, которую всякая реклама оскорбляетъ. Наша публика хорошо знаетъ цѣну этого имени, но знаніе это пріобрѣтено не изъ подлинныхъ трудовъ великаго историка, а изъ журнальныхъ статей о немъ и компиляцій, могущихъ удовлетворить только людей поверхностныхъ, а не такихъ, которые ищутъ непосредственнаго общенія съ великими наставниками человѣчества. Но громадный, по объему, трудъ Шлоссера не могъ быть до сихъ поръ доступенъ большинству. Масса книгъ, въ которыхъ нуждается наше развивающееся общество, слишкомъ велика, чтобы оно могло платить значительную сумму за одно какое-либо сочиненіе. Имѣя все это въ виду и зорко слѣдя за потребностями общества, мы дѣлаемъ новое усиліе, результатомъ котораго должно явиться почти безпримѣрное по дешевизнѣ изданіе.

Первое русское изданіе Всемирной Исторіи въ 18 томахъ стоитъ 27 р. с. Нѣмецкій оригиналъ въ третьемъ народномъ изданіи стоитъ 22 талера. Мы же нашли возможнымъ выпустить теперь компактное изданіе, въ которомъ прежніе 18 томовъ обращаются въ 6 томовъ и будутъ стоить только 15 р. с.

Какъ ни скромна издательская дѣятельность, но мы будемъ гордиться ею, если сдѣлаемъ трудъ Шлоссера столь же популярнымъ въ Россіи, какъ онъ популяренъ въ Германіи, и если убѣдимся, что усилія наши въ пользу общества не остаются незамѣченными имъ. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на дороговизну русскихъ книгъ. Мы дѣлаемъ попытку удешевить до крайнихъ предѣловъ возможности одно изъ самыхъ необходимыхъ сочиненій и по результату этой попытки будемъ судить о возможности отваживаться впредъ на подобныя предпріятія.

М. Вольфъ.

НЕКРОЛОГЪ Ф. ШЛОССЕРА,

СОСТАВЛЕННЫЙ Г. ГЕРВИНУСОМЪ.

Еще не такъ давно смерть похитила у насъ Арндта и Дальмана въ Боннѣ; и вотъ на дняхъ, 23 сентября, за ними послѣдовалъ Фридрихъ Христопоръ Шлоссеръ на 58 году жизни (род. 17 ноября 1776 года въ Еверѣ). Этими сѣверо-германскими историками, кажется, навсегда пресѣклось въ германской духовной жизни характеристическое поколѣніе нѣмецкихъ ученыхъ, отличавшихся необыкновенно крѣпкими, какъ тѣлесными, такъ и духовными силами. Они всѣ трое жили въ бурное время, и въ ихъ литературной дѣятельности различнымъ образомъ отразился тотъ періодъ, когда нѣмецкій народъ созналъ свое политическое и національное призваніе, и это сознаніе вступило въ борьбу съ преданіями и стремленіями чисто внутренними, обращенными исключительно на духовные интересы. Всѣ трое развивались въ различныя времена, но начало ихъ развитія совпадаетъ съ періодомъ униженія и порабощенія Германіи; народный позоръ сильно дѣйствовалъ на нихъ и невольно устремлялъ ихъ всеобъемлющія умы на общественную дѣятельность, исполняя сердца самымъ горячимъ сочувствіемъ къ судьбѣ ихъ націи. Тяжкія народныя страданія сообщили ихъ характерамъ, сильнымъ отъ природы, такую желѣзную твердость, что потомкамъ ихъ въ слѣдующемъ разслабленномъ поколѣніи она казалась даже излишнимъ упрямствомъ и заносчивостью, достойною порицанія. Въ нихъ нѣмецкій народъ видѣлъ людей, ему сочувствовавшихъ, неразрывно связавшихъ свою литературную дѣятельность съ его радостями и страданіями; онъ уважалъ въ нихъ народныхъ писателей, служившихъ народному дѣлу даже въ такихъ сочиненіяхъ, которыя по объему, ~~формѣ~~ и содержанію были всего менѣе народны и принадлежали ~~повидимому~~ къ чисто ученымъ и спеціальнымъ.

Таковъ былъ даже тотъ между ними, который никогда не принималъ непосредственнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, который прямо порицалъ всякое стремленіе къ популярности въ наукѣ, отличался самымъ рѣзкимъ характеромъ, и съ самою суровою строгостью любилъ бичевать слабости нѣмцевъ, — именно Шлоссеръ. Было время, когда вся Германія единодушно удивлялась въ этомъ человѣкѣ огромной начитанности, обширной учености и умѣнью пользоваться своими знаніями; — когда всѣ глубоко уважали его за его свободный политическій образъ мыслей и за смѣлость, съ какою онъ высказывалъ его, что было большою рѣдкостью въ нѣмецкомъ кабинетномъ ученомъ прошлаго столѣтія; — когда его строгая нравственная проповѣдь и критика возбуждали родъ нѣмаго благоговѣнія. Въ это время я, его благодарный ученикъ, сидѣлъ у ногъ его въ Гейдельбергѣ и съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его и тогда, когда онъ оживлялъ свои чтенія отдѣльными замѣчаніями, которыя обнаруживали глубокое знаніе свѣта и людей и разъясняли для меня разнообразныя вопросы и сомнѣнія, волнующіе юношескую душу, — и тогда, когда онъ рисовалъ въ величественныхъ картинахъ эпохи развитія человѣческаго рода, и передъ моимъ юнымъ умомъ съ шумомъ растворялись врата исторіи. Въ то время я могъ только чувствовать все значеніе этого человѣка въ исторической наукѣ для нѣмецкой страны и народа, могъ только вѣрить въ его высокое достоинство; и общественное мнѣніе не разрушало во мнѣ этой вѣры. Если я прямо и откровенно скажу, что я и теперь еще не потерялъ вѣры въ великое значеніе этого человѣка, то меня многие, можетъ быть, назовутъ пристрастнымъ и упрекнутъ въ излишней благодарности и въ робости сужденій бывшаго ученика, который всегда остался ученикомъ. Вѣдь въ настоящее время въ Германіи мнѣнія о Шлоссерѣ не такъ единогласны, какъ были прежде.

Въ такія времена, когда движеніе совершается съ неслыханною быстротою, очень естественно можетъ случиться, что надъ ученымъ исследователемъ одержать верхъ соперники, принимающіе участіе въ разрушительной дѣятельности молодого, подвижнаго поколѣнія; тогда вкусы и потребности минуты не находятъ себѣ удовлетворенія у писателя, который жилъ очень долго; тогда обыкновенно забываютъ отношеніе его сочиненій ко времени ихъ происхожденія и упускаютъ изъ виду то значеніе, какое они имѣли преимущественно для этого времени. При всеобщемъ развитіи въ Германіи учености, затрогивавшей современныя, жизненные вопросы, естественно, ученость Шлоссера должна была нѣсколько потерять во мнѣніи общества. Роскошно развившаяся и дорожившая изящными формами литературы отступила на задній планъ простые и безыскусственныя сочиненія Шлоссера. Читающая публика, избалованная свой вкусомъ и чувствомъ привладѣла къ изящнымъ чтеніемъ, невольно отворачивалась отъ суровой строгости, строгодного нравственнаго судьи. Въ пишущемъ мірѣ мало-помалу образовался кружокъ систематическихъ противниковъ, рѣшившихся отомстить за нападки, рѣзкости, обиды, можетъ быть, даже незаслуженныя, которыя они лично и непосредственно вытерпѣли отъ Шлоссера во все время его многолѣтней критической дѣятельности. Были между ними люди

ученые и они вели споръ основательно, съ знаніемъ дѣла и съ достоинствомъ. Но были между ними также и неопытные послѣдователи противоположныхъ направленій, отличавшіеся въ спорахъ только рѣзкостью и школьною нетерпимостью; ставя на пьедесталъ учителей своей школы, они укоряли нѣмецкій народъ въ слѣпомъ и очевидномъ заблужденіи за то, что онъ считалъ Шлоссера великимъ историкомъ и читалъ его сочиненія съ большою охотою, чѣмъ сочиненія многихъ, если не всѣхъ, современныхъ его противниковъ. И такъ какъ всякое новое мнѣніе находитъ толпу безразсудныхъ послѣдователей, то въ Германіи скоро распространился взглядъ на Шлоссера, вмѣсто прежняго глубокаго уваженія, выразившій какое-то презрѣніе къ нему. Сносо~~въ~~ изложенія Шлоссера находили труднымъ и невразумительнымъ по его безпорядочности и отсутствію всякаго метода. — Его учению ю критику считали просто только страстнымъ желаніемъ порицать безъ разбора ~~все, кромѣ~~ своихъ собственныхъ сочиненій. — Его нравственую критику находили такою же, съ односторонній масштабъ брюзгливой мѣщанской морали, которая унижала всякое историческое величіе. — Въ его политической критикѣ видѣли постоянное колебаніе сюда и туда, отрицаніе всякой формы правленія, всякаго національнаго характера и народнаго быта; все они представлялись ему одинаково негодными. — Наконецъ его взглядъ на общій ходъ исторіи называли запутаннымъ и видѣли въ немъ безпорядочный хаосъ, въ которомъ нельзя достигнуть никакой цѣли и нигдѣ нельзя найти успокоенія.

Все эти упреки имѣютъ видъ сирапедливости и до нѣкоторой степени не лишены основанія. Но они не могли разрушить того пераго инстинктивнаго мнѣнія, какое составилось въ Германіи о Шлоссерѣ; они никогда не могли поколебать моихъ прежнихъ убѣжденій въ значеніи этого необыкновеннаго человѣка. Противники Шлоссера, порицая его за рѣзкія и пристрастныя сужденія, сами были несправедливы къ нему. Несправедливость эта состояла не въ томъ только, что они видѣли въ немъ одни недостатки и не признавали его достоинствъ: они судили объ немъ поверхностно и не хотѣли объяснять его ошибокъ тѣми основаніями, которыя лежали въ самомъ существѣ и полнотѣ его характера. Даже въ самыхъ слабыхъ натурахъ можно наблюдать то коренное свойство человѣческаго духа, по которому все недостатки и достоинства известной личности находятся въ самой тѣсной связи между собою; не рѣдко же особенное преимущество избранныхъ натуръ обнаруживается именно въ томъ, что чѣмъ цѣльнѣе, выше и основательнѣе развитъ въ нихъ умъ и характеръ, тѣмъ неразрывнѣе и нераздѣльнѣе переплетаются у нихъ тѣ общіе корни, изъ которыхъ вырастаютъ ихъ хорошія и дурныя качества. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ точки зрѣнія и отъ того, желаютъ ли разсматривать однѣ только тѣни, или вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлнть и свѣтъ, который образуетъ эти тѣни.

Недавняя утрата этого человѣка обязываетъ меня хоть сколько-нибудь содѣйствовать безпристрастной и правильной оцѣнкѣ его всеми средствами, какія находятся въ моихъ знаніяхъ и моемъ опытѣ. Въ этомъ важномъ случаѣ, произнося судъ надъ мертвымъ, я буду говорить съ полною откровенностью.

венностью и безпристрастіемъ, измѣнить которымъ не позволяетъ мнѣ воспоминаніе о нравственныхъ правилахъ покойника и о его личномъ характерѣ. Поэтому было бы совершенно неумѣстно на всѣ рѣзкіе и опредѣленные упреки, высказанные противъ него, отвѣчать поспылыми фразами или опровергать ихъ общими мѣстами. Каждый будетъ имѣть больше довѣрія къ моему дѣлу, если я буду вести его прямо, основательно и безпристрастно.

Такимъ образомъ противникамъ, порицающимъ небрежную безпорядочность въ сочиненіяхъ Шлоссера, я могу представить еще новыя доказательства въ пользу ихъ мнѣнія, и въ то же время не лишусь возможности защитить и себя, и его. Дѣйствительно, нѣтъ произведеній ни одного автора, которыя были бы такъ небрежны и безпорядочны, казались бы такими неполными и незаконченными, какъ историческія сочиненія Шлоссера. Своимъ происхожденіемъ они обязаны самымъ разнообразнымъ мотивамъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, случайному расположенію и желанію, постороннему поводу и чужому побужденію; продолженіе ихъ, обработка и объемъ также часто и случайно измѣнялись и принимали тотъ или другой видъ. Въ своей юности (такъ писалъ онъ самъ), колеблясь между философіей и богословіемъ, между церковной исторіей и изученіемъ классической древности, сочинялъ онъ разныя біографіи и монографіи, выбирая предметы для нихъ повидимому совершенно безразлично изъ среднихъ и новыхъ вѣковъ, на Востокъ и на Западъ. Читая во Франкфуртѣ лекціи по исторіи философій, онъ началъ съ 1811 года заниматься древней исторіей и обработалъ первый томъ своей Всемірной исторіи (1815). Впослѣдствіи, прекративъ чтеніе лекцій, онъ продолжалъ писать вторую часть своего сочиненія, главнымъ образомъ для себя, какъ тетрадь для собственнаго употребленія; въ третьей части онъ опять перемѣнилъ тонъ, чтобы дать возможность и другимъ читать и понимать его сочиненіе. На четвертой части онъ совсѣмъ остановился, и въ то же время сомнительные труды Риса и Лудена побудили его ревностно заняться разработкой всей средневѣковой исторіи. Потомъ онъ вдругъ перескочилъ къ XVIII вѣку (1823), предназначая сочиненіе объ немъ первоначально для себя, въ руководство при своихъ чтеніяхъ; развивъ его нѣсколько подробнѣе, по совѣту А. Гумбольта, Шлоссеръ и въ этомъ видѣ, по его собственному признанію, отложилъ его въ сторону, какъ неполное и несовсѣмъ понятное безъ его устныхъ объясненій. Затѣмъ послѣдовало общее обозрѣніе исторіи древняго міра (1826); сначала онъ излагалъ его кратко, потомъ подробнѣе, и наконецъ заключительная часть вышла така, что вмѣстѣ съ указателемъ могла составить цѣлый томъ. По окончаніи его явилась переработанная исторія XVIII вѣка съ подробными литературными отдѣлами, заимствованными, очевидно, изъ его черновыхъ тетрадей, никогда не предназначавшихся для печати. Не окончивъ этого сочиненія, принятаго всѣми съ восторгомъ, онъ снова оставилъ его, чтобы прибавить къ своей исторіи среднихъ вѣковъ два тома о XIV вѣкѣ, обработанные не вездѣ по одному плану, потому что онъ обѣщалъ ихъ издателю. Въ это же время въ угоду своему другу Берхту издавалъ онъ историческій архивъ и по просьбѣ товарища Бера писалъ множество критическихъ статей

въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ. Затѣмъ, по неотступной просьбѣ Грера и Франка, онъ далъ свое согласіе на популярную переработку различныхъ его сочиненій въ одну общую Всемирную исторію, которая потомъ перешла въ другія руки, и въ которой онъ пополнилъ большой пробѣлъ XV — XVII вѣка, обработанный менѣе всѣхъ прежнихъ его сочиненій. Безъ сомнѣнія, весьма трудно найти у какого-нибудь другаго писателя столько различныхъ побужденій и цѣлей въ неутомимой и обширной литературной дѣятельности и соответствующее этому разнообразію, неровность и отсутствіе тщательной обработки въ изложеніи.

Впрочемъ среди этой смѣси мотивовъ, побуждавшихъ нашего историка къ трудамъ, мы находимъ одну постоянную точку зрѣнія, одну основную цѣль, которая, при всей кажущейся прихотливости и беспорядочности, самыми тѣсными образомъ связана съ особенностями натуры Шлоссера и ея характеристическими достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно объясняетъ существенныя черты его метода изложенія, которыя могли показаться отсутствіемъ всякаго метода. Принужденный внѣшними обстоятельствами сдѣлаться учителемъ исторіи прежде, чѣмъ онъ усвоилъ себѣ историческія знанія во всемъ ихъ объемѣ, и не находя въ нѣмецкой литературѣ печатныхъ, основныхъ руководствъ для своихъ занятій, Шлоссеръ долженъ былъ тѣмъ для другихъ въ то время, когда еще самъ былъ занятъ собственнымъ ученіемъ и весь погруженъ въ изученіе источниковъ. Такимъ образомъ, собирая матеріалы для себя и составляя записки для своихъ слушателей, онъ приобрѣлъ привычку дѣлать публику свидѣтельницей своихъ кабинетныхъ предварительныхъ занятій. Это вполне объясняетъ его манеру писать, которую онъ, благодаря своей сильной натурѣ, съ самаго начала такъ усвоилъ себѣ, что впоследствии при всемъ своемъ желаніи не могъ совершенно ее оставить. Онъ самъ признавалъ, и часто высказывалъ какъ необходимо дополнять его труды другими сочиненіями о тѣхъ же предметахъ: въ своихъ сочиненіяхъ онъ очень охотно упускалъ все, что было достаточно обработано другими. Такъ напримѣръ, исторію иконоборческихъ императоровъ онъ хотѣлъ первоначально изложить такимъ образомъ, чтобы читатели ея необходимо должны были имѣть подъ рукою Гиббона. Даже въ своей Всемирной исторіи, въ которой вообще соблюдено больше порядка, онъ имѣлъ намѣреніе ограничиться одними „указаніями“ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось предметовъ общеизвѣстныхъ; чтобы не повторять сужденій, высказанныхъ другими, онъ писалъ римскую исторію и исторію крестовыхъ походовъ такъ, что ее могъ понимать только читатель, знакомый съ Нибуромъ и Вилькеномъ. Вообще всѣ сочиненія его предназначались не для тѣхъ людей, которые ничего не читали прежде. Имѣя въ виду это, онъ очевидно считалъ форму изложенія дѣломъ второстепеннымъ. Въ своей „предназначенно и по самому предмету сухой книгѣ“ о среднихъ вѣкахъ онъ излагаетъ одни только голые факты, заботясь болѣе о содержаніи и повѣркѣ источниковъ, нежели о колоритѣ и живописномъ изложеніи; онъ предполагалъ, что понимающій дѣло человекъ часто обращаетъ больше вниманія на примѣчанія, чѣмъ на текстъ, а на самый текстъ смотритъ

какъ на примѣчанія. Такимъ образомъ его историческія сочиненія всегда были ничто иное, какъ родъ постоянной критики источниковъ и свода ихъ; и тамъ, гдѣ онъ прямо и исключительно становится на эту точку, какъ напримѣръ въ своей статьѣ о панегиристахъ и порицателяхъ Наполеона, помѣщенной въ историческомъ архивѣ Берхта, тамъ онъ и другимъ кажется и самъ чувствуетъ себя совершенно свободнымъ, потому что тамъ онъ, точно у себя дома, держится совершенно непринужденно и наиболѣе вѣренъ самому себѣ. Отъ этой особенности Шлоссера зависѣло отсутствіе методики, небрежность слога, бѣглость въ изложеніи и многіе другіе недостатки даже относительно того, что онъ считалъ самымъ важнымъ и священнымъ въ своей дѣятельности, именно содержанія матеріаловъ и группировки фактовъ. Слѣдуя болѣе счастливому вдохновенію, нежели филологически точнымъ основаніямъ и изслѣдованіямъ, онъ писалъ съ поспѣшностью, при которой неизбежны были частныя ошибки и слишкомъ скорыя заключенія. Нѣтъ надобности отыскивать ихъ: онъ откровенно указалъ на нихъ самъ. Иногда изъ-подъ пера его сорвется анахронизмъ въ 100 лѣтъ; иногда у него представляются выигранными сраженія, которыя на самомъ дѣлѣ были проиграны; онъ называетъ потерянными классическія творенія, которыя сохранились; надежда на свою твердую память измѣняла ему въ такихъ случаяхъ. Равнодушный къ вспомогательнымъ второстепеннымъ отраслямъ исторіи, онъ пренебрегалъ отдѣльными генеалогическими, хронологическими, географическими замѣчаніями и частными вопросами, которые для „дѣтей и педагоговъ“ составляютъ самое главное въ исторіи, и такъ же охотно позволялъ Берхту и Критку исправлять свой слогъ, какъ охотно поручалъ разсматривать подобныя мелочи Нибуру и Миллеру при случайныхъ встрѣчахъ съ ними. Его живая любознательность не позволяла ему слишкомъ долго останавливаться на мелкихъ незначительныхъ подробностяхъ; этой живости, сообщившей его ученымъ стремленіямъ такой обширный и удивительный объемъ, онъ жертвовалъ иногда основательностью. Гдѣ можно найти другаго историка, который бы самостоятельно разобралъ всю область исторіи по первоначальнымъ источникамъ во всемъ обширномъ объемѣ? Уже въ 1823 году онъ составилъ планъ, окончивши исторію среднихъ вѣковъ, присоединить къ ней новѣйшую исторію и даже въ 1830 году не оставлялъ мысли обработать новую исторію по образцу своего всемірно-историческаго обозрѣнія. Но когда Шлоссеръ увидѣлъ, что для этого не хватитъ его силъ и жизни, то честолюбіе заставило его согласиться на изданіе популярной всемірной исторіи, чтобы по крайней мѣрѣ хоть этимъ способомъ пополнить пробѣлъ съ 14 до 17 вѣка: „чтобы все-таки что-нибудь цѣлое“ — говорилъ онъ въ наивной радости, не dokonчивая (по своей привычкѣ) понятной мысли.

Эта растянутасть, небрежность и неполнота составляли слабую сторону въ сочиненіяхъ Шлоссера и дали критикамъ его обильную пищу. Настоящаго, хотя бы и самаго строгаго, но достойнаго его критическаго разбора его трудовъ не было; потому что наша критика не обращаетъ вниманія на сочиненія тѣхъ, которые не принадлежатъ къ литературнымъ партіямъ.